

Махно Нестор Иванович

**Воспоминания Нестор
Махно**

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н56

Н56 **Нестор Иванович М.**
Воспоминания Нестор Махно: Книга 3 / Махно Нестор Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 186 с.

ISBN 978-5-519-95771-7

ISBN 978-5-519-95771-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ

После всего, сказанного мною в предисловии и примечаниях ко второй книге, нет надобности говорить пространно о третьей.

Упомяну, что и при редактировании этой третьей книги я старался по возможности сохранить язык подлинника. Здесь задача была проще, так-как рассказ изобилует живыми описаниями событий, вообще хорошо удававшимися автору. Страница за страницей, разворачивается, почти без перерывов, цепь ярких, красочных эпизодов. Рассказ доведен до конца 1918 г.

Повторю, что интерес настоящей книги исключителен. Она дает, прежде всего, полное и последовательное представление о зарождении и о первой, подготовительной стадии (июль—декабрь 1918 г.) украинской «крестьянской войны» (1918-1921 г. г.), известной, по имени ее вдохновителя и руководителя, под кличкой «маховского движения». Но и помимо ее чисто исторического интереса, книга насыщена живым бытовым и драматическим материалом, захватывающим читателя.

Повторю, наконец, что, к величайшему сожалению, на этом третьем томе, т.е. на конце декабря 1918 г., заканчиваются последовательные записки Н. Махно. Изложить дальнейшие события — задача, главным образом, будущих историков русской революции.

Имеются, однако, отдельные, разрозненные заметки и записки Махно, относящиеся к последующим годам. Комиссия по изданию его рукописей предполагает собрать впоследствии эти записки и издать их отдельной книгой, вместе с оставшимися после него — частью в рукописях, частью уже в газетных и журнальных статьях — материалами. Статьи эти печатались в различных анархических изданиях.

Просьба ко всем лицам, располагающим интересующими Комиссию документами, присылать таковые, в подлинниках (которые, по желанию, могут быть возвращены) или в копиях, заглавными

*пакетами, по адресу: Librairie Franssen, 11, rue de Cluny, Paris (5).
France, с припиской: Pour Commission Makhno.*

Коммиссия настаивает на своей просьбе тем более, что некоторые ее члены -- участники или близкие свидетели движения -- предполагают продолжить рассказ, начатый самим Нестором Махно. Всякого рода материалы очень помогли бы осуществлению этой задачи.

Март 1937 г.

ВОЛИН.

Глава I.

ПОД ГНЕТОМ ГЕТМАНЩИНЫ.

Июль месяц 1918-го года. Я снова на Украине, в своем родном Гуляйпольском районе. Прибыл я сюда согласно постановлению нашей таганрогской конференции гуляйпольских анархистов - революционеров — для того, чтобы заняться организацией восстания крестьян против насильников: помещенных хозяев земли, свободы и жизни украинских тружеников, — хозяев, имя которым Украинская Центральная Рада и ее союзник — немецко-австрийское юнкерство. Прибыл я во-время и с надеждой, что мне на сей раз удастся полностью и с особой организационной четкостью разрешить намеченную задачу и выполнить мою идейно-руководящую роль.

В это время пресловутая Рада была уже низвергнута. Напрасно она в угоду буржуазии, изменив своим принципам в области земельной политики, признала право частной собственности на землю до 30-40 десятин. Буржуазия, увлекшись своими временными победами над революцией, над носителями ее идей — революционными тружениками деревни и города, не удовлетворилась этой позорной изменой Рады трудящимся. При поддержке грубого юнкерства, буржуазия низвергла Раду и поставила на ее место своего представителя в лице гетмана Павла Скоропадского.

Теперь, в порядке царско-помещичьих прав, Украина опутывалась еще более крепкими цепями реакции. На почве этой реакции обосновалась, росла и развивалась гетманщина: развивалась исключительно при помощи все тех же контр-революционных, карательных, в отношении украинских трудовых масс, сил.

Тяжело и больно было революционеру смотреть на этот произвол. Но я — на Украине, утешал я себя мыслью, сидя на чердаке у крестьянина села Рождественки, Захария Кле-
ш-

ни, окруженный крестьянскими искренностью и заботами, — в особенности заботами о том, чтобы во-время все доставить от меня в Гуляй-Поле и привезти из Гуляй-Поля мне.

Гетмано-немецкая власть на местах была, как я уже сказал, контр-революционная и реакционная власть. Жить нелегально было очень трудно. Однако сознание, что я снова на Украине, снова среди ее широких степей и веселых сел, среди того самого революционного крестьянского населения, которое, до прихода сюда Украинской Центральной Рады с ее могущественными союзниками и защитниками, немецко-мад'яро-австрийскими контр-революционными экспедиционными армиями, с такой смелой настойчивостью заявляло о своем торжестве не только над несправедливостью старого царско-помещичьего режима, но и над несправедливостью режима полупомещичьего (Керенщины и Центральной Рады), — это сознание бодрило меня, рождало во мне новые силу и веру в то, что революционное крестьянство терпит произвол этой насильственно свалившейся на него власти лишь временно, что стоит только повести энергичную пропаганду в его среде против этой власти, оно восстанет против нее с такой энергией и желанием разбить ее раз и навсегда, каких враги революции в нем даже не подозревают.

Произвол немецко-гетманской власти казался мне временным. Я верил, что он, при первом же решительном вооруженном выступлении крестьян по деревням и рабочим в городах, падет безвозвратно. И вот, сидя на своем чердаке, я продумывал все постановления нашей конференции в Таганроге, все те обязанности, которые каждый из ее членов взял на себя. И я чувствовал себя счастливым от того, что на мою долю выпало продолжить идейно-руководящую роль в деле организации крестьянских сил революции, — деле, которое врагами этих сил тормозилось весной 1918 года и поэтому только не получило полного своего революционно-боевого оформления и не достигло полного расцвета.

Глубокая вера в то, что революционное крестьянство такие силы в себе таит, отвлекала меня от того факта, что я встречаю крестьян физически изнуренными, забитыми, политически придавленными в свободном выражении своих мыслей и порывов, немymi и как-будто совершенно отчаявшимися.

Эта вера подсказывала мне, что именно среди этих замкнутых, политически и экономически бесправных и ограбленных крестьян нужно искать той силы для борьбы против гетманщины, за возрождение революции, которая может проявить себя в гуляй-польском районе повторно и более удачно, и окажется единственной силой Запорожско-Приазовской области, способной вызвать трудящихся украинской деревни и города вообще на путь решительного действия за свои исконные права на независимую, свободную жизнь и вольный труд.

Так, бодрое самочувствие мое поддерживалось несокрушимой верой в то, что живые силы революции в деревне велики, и опасаться, что немецко-гетманская власть деморализует их окончательно и усыпит на долгие годы, нет никаких оснований. Нужно только действовать. Ибо только через действие одних сила эта пробуждается в других и ищет своего выявления.

— Да, да! В трудовой крестьянской семье эти силы есть, и их нужно организовать. Так мыслил я в эти дни и стремился как можно скорее очутиться в этой семье и увидеть себя за прямым своим и ее делом.

— Да, да, нужно действовать, убеждал я себя, убеждал и тех, кто временно появлялся ко мне и исчезал.

Это душевное состояние толкнуло меня на то, чтобы, не дожидаясь возвращения из России остальных друзей своих, дать знать всем крестьянам и рабочим в Гуляй-Поле, что я нахожусь недалеко от них и думаю не сегодня-завтра кое-с-кем из них видаться. Вера в гуляйпольских крестьян и рабочих отгоняла от меня всякие мысли о том, что все могло измениться, что крестьяне и рабочие могли отвлечься от своих прямых дел, определившихся в процессе революции, и могут не отозваться на мое обращение к ним. Я написал им следующее письмо:

«Товарищи, после двух с половиною месяцев моего скитания по революционной России я возвратился снова к вам, чтобы совместно заняться делом изгнания немецко-австрийских контр-революционных армий из Украины, низвержением власти Гетмана Скоропадского и недопущением на его место никакой другой власти. Общими усилиями мы займемся организацией этого великого дела. Общими усилиями займемся разрушением рабского строя, чтобы всту-

цить самим и ввести других наших братьев на путь нового строя. Организуем его на началах свободной общественности, содержание которой позволит всему не эксплуатирующему чужого труда населению жить свободно и независимо от государства и его чиновников, хотя бы и красных, и строить всю свою социально-общественную жизнь совершенно самостоятельно у себя на местах, в своей среде. Во имя этого великого дела я поспешил возвратиться в свой родной революционный район, к вам. Так будем же работать, товарищи, во имя возрождения на нашей земле, в нашей крестьянской и рабочей среде, настоящей украинской революции, которая с первых своих дней взяла здоровое направление в сторону полного уничтожения немецко-гетманской власти и ее опоры — помещиков и кулаков.

Да здравствует наше крестьянское и рабочее объединение!

Да здравствует наши подсобные силы — бескорыстная трудовая интеллигенция!

Да здравствует Украинская Социальная Революция!

Ваш Нестор Иванович.

4-го июля 1918 года».

Письмо это в Гуляй-Поле переписывалось в десятках экземпляров и ходило по рукам крестьян и рабочих. Оно многих из них подбодрило. Многие хотели, чтобы я не задерживался и одного дня где-то на районе, а сейчас же переезжал в самое Гуляй-Поле. Как я узнал после, из-за этого желания одних получился серьезный разлад с другими, предупреждавшими меня воздерживаться от переезда в Гуляй-Поле до тех пор, пока они не пришлют за мною надежных людей.

«Гуляй-Поле полно шпиков и провокаторов, — писали мне другие тов. крестьяне : — Вы, Нестор Иванович, вероятно еще не знаете ничего о том, при каких обстоятельствах, кем и под чьим руководством, во время Вашего отсутствия, 14-15-16 апреля были произведены аресты почти всех членов Революционного Комитета, Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов, а также отозвание с фронта анархического отряда и разоружение его. Вся эта гнусность производилась центральной еврейской ротой, под руководством ее коман-

дира Тарановского и членов Полевого Штаба И. Волкова, А. Волоха, О. Соловья и В. Шаровского. Еврейская молодежь этой травлей увлекалась. Еврейская буржуазия приветствовала эту молодежь и всячески ублажала немецких агентов Волкова, Соловья, Шаровского и агронома Дмитренко (который, кстати сказать, раз'езжал с кавалерийским отрядом по всему району и вылавливал анархистов и большевиков, с целью выдать их немецким палачам для казни). В настоящее время В. Шаровский глубоко скорбит о том, что он был в рядах заговорщиков, совершивших величайший акт измены трудящимся.

Тарановский клянется, что если бы он не отпускал взводов из своей роты для производства арестов членов Революционного Комитета и Совета, то его убили бы Волков, Волох и компания. Он утверждает, что вышеупомянутые лица действовали по приказу немецкого командования».

Далее крестьяне спрашивали меня: «Как посоветуете нам, Нестор Иванович? Мы хотим убить всех этих пегодяев. Но предупреждаем, ответ пишите и присылайте, но сами не приезжайте, ибо все более или менее революционные крестьяне частью сидят в тюрьме, частью же не спускаются, ни они сами, ни их квартиры, с глаз тайных и явных шпионов. Вас тут скоро схватят. О шпионах и провокаторах есть многое рассказать Вам, но об этом мы Вам расскажем, когда встретимся. Пока же будем все работать для того, чтобы Вы были среди нас. Вы только потерпите, не приезжайте без нашего ведома.

Ваши Павло, Лука, Грыцько и Яков».

Письмо этих товарищей еще более подбодрило меня. Я решительнее начал приходить к тому, чтобы ускорить свою встречу с гуляйпольцами и взяться за решительные действия. На все предупреждения меня о том, чтобы я не переезжал в Гуляй-Поле, я смотрел совсем не серьезно, думая, что мои товарищи крестьяне переборщили в своем намерении законспирировать мое пребывание в районе. Я готовился к переезду в Гуляй-Поле без их ведома. Поэтому я им на их письмо по существу не отвечал, а лишь предупредил их, чтобы они, пока-что, никого из изменников и провокаторов не трогали; и, в особенности, чтобы они не трогали никого из евреев и не возбуждали против них никого

из населения, так-как это может создать почву для зарождения антисемитизма. А последний не может создать тех условий для революции, которые так нужны ей, и без которых не оправдаются надежды крестьян освободиться от реакции, изгнать гетмана со всей его помещичьей сворой, не допустить на свою шею других властей и насильников, и зажечь своей настоящей жизнью на началах независимого от каких бы то ни было властей, свободного общественного самоуправления и самоуправления.

Одновременно я запросил гуляйпольцев о том, как многочисленны и какого рода оружия немецко-австрийские войска, расположенные как в самом Гуляй-Поле, так и вокруг него, в ближайших от него деревнях. Много ли в Гуляй-Поле развелось местных шпионов вообще и из крестьянской среды в частности ?

На этот мой запрос я скоро получил ответ от многих крестьян. Он сводился в общем к тому, что шпионов и провокаторов много, но они оперируют главным образом в центре Гуляй-Поля. Выдающиеся из них: Прокофий Коростелев, Сопляк (который был сыщиком еще в царское время), молодой Леймонский (бывший взводный командир еврейской роты) и многие другие. « Но, — писали мне крестьяне, — больше всего шпионов и провокаторов у нас в Гуляй-Поле развелось среди богатых евреев. Об этом вы, товарищ Нестор Иванович, подробно узнаете, когда придете к нам. Мы много кое-чего вам расскажем и покажем ».

Мне лично тяжело было перечитывать все эти записки по одному уже тому, что в них чувствовался антисемитский дух. А я воспитал в себе глубокую ненависть к антисемитизму еще со времен 1905-6-го годов.

Но то, что гуляйпольские крестьяне до 1918 года были чужды антисемитского духа (об этом ярко свидетельствует хотя бы тот факт, что когда, в 1905 году, громилы из «Союза истинно-русских людей», под руководством Щекатикина и Минаева, громили в городе Александровске евреев и присылали своих гонцов в Гуляй-Поле для организации еврейского погрома, гуляйпольские крестьяне на ряде своих общественных сходов категорически высказались против погромщиков и их гнусных погромческих дел в г. Александровске), заставило меня отнестись к этим записочкам менее сурово, чем они этого заслуживали. Я хочу сказать,

что, вместо того, чтобы порвать с ними переписку и, покинув село Рождественку, не отзываться на их зов, я написал им письмо (одно на всех), в котором постарался, как мог, разбить их неосновательную мысль о евреях. И сделал я это тогда, когда уже знал, что еврейская рота, под влиянием агентов Укр. Ценгр. Рады и немецкого командования, первая арестовала всех анархистов, всех членов Революционного Комитета, большую часть членов Совета Крестьянских и Рабочих Депутатов в Гуляй-Поле (в апреле месяце 1918 года). Арестовала с целью выдать всех этих крестьян и рабочих революционеров немецкому командованию на суд. Я знал, что еврейская буржуазия радовалась поведению этой роты. Но я считал долгом революционера доказать крестьянам, что не одни только евреи так гнусно действовали в то время по отношению к революции и к революционерам; что среди евреев было также много негодяев, подобных тем негодьям евреям, на которых крестьяне указывали мне в своих записках, и что в этом столь серьезном и сложном вопросе мы разберемся, когда я буду среди них. Теперь же, — просил я крестьян и рабочих в своем письме, — этот вопрос надо отложить в сторону, чтобы, если и нельзя его совсем забыть, то, во всяком случае, возвратиться к нему тогда, когда мы, освободившись от гнета гетманско-немецкой власти, сможем свободно, в порядке общественных сходов, разбраться в том, почему именно еврейская рота и еврейская буржуазия так гнусно действовали против революции в пользу Центральной Рады и немецкого командования.

Я убеждал крестьян и рабочих в том, что еврейские труженики, — даже те из них, которые состояли в этой роте бойцами и были прямыми участниками в ее контр-революционном деле, — сами осудят этот свой позорный акт. Буржуазия же, причастная к провокационным делам в Гуляй-Поле, свое получит, независимо от того, к какой национальности она принадлежит.

И должен отметить, что письмо мое оправдало мои надежды. Крестьяне и рабочие согласились целиком с моими доводами касательно их нападков на евреев и теперь просили лишь моих указаний: «Что делать? Как и с чего начинать, раз Вы не советуете нам заняться уничтожением виновников апрельского выступления?» И, конечно, в заключение

опять подчеркивали, чтобы и потерпел еще немного, чтобы не рвался сейчас же в Гуляй-Поле.

«Ваше появление в Гуляй Поле, — писали они, — станет скоро известным в штабе немецких войск и вызовет еще более тяжкие репрессии в отношении крестьян и рабочих вообще, потому, что немцы и гетманцы считают всех гуляйпольских крестьян и рабочих Вашими друзьями. А более тяжкие репрессии совсем помешают нам встречаться друг с другом».

Все эти отрывочные сообщения из Гуляй-Поля меня беспокоили. Я начинал первичать и задумываться над тем, отвечать ли крестьянам на их просьбу указать им, что делать, или же, ничего не отвечая, самому поехать к ним.

Посоветовался я кое-с-кем из окружавших меня рождественских крестьян. Они высказались против того, чтобы я, не предупреждая гуляйпольцев, переезжал к ним. А предупреди последних, так они снова завопят, чтобы не ехал, обнадеживая меня, что они скоро сами придут и заберут меня к себе. Долго терзался я мыслью о том, чтобы не откладывать больше своего переезда в Гуляй-Поле. Однако, пришел к тому, что, на этот раз, еще отвечу. Но дальше — нет, дальше не хватит терпения, да и времени терять нельзя, — рассуждал я с рождественцами.

«Первой нашей задачей, — писал я гуляйпольцам, — должно быть разделение наших людей в Гуляй-Поле так, чтобы они были в каждой сотне (участок села) в достаточном количестве. На этих людях лежит обязанность группировать вокруг себя возможно большее количество энергичных и смелых, готовых на самопожертвование, крестьян. Затем, они должны выделять из этих группирований особо смелых крестьян и с ними совершать в разных местах, и по возможности одновременно, нападения на помещичьи и кулацкие имения, с целью разгона из них как хозяев, так и призванных ими к себе немецко-австрийских солдат охранителей, которые, как известно, состоят из двенадцати всадников при полном боевом вооружении. (С этим количеством охраны следует всегда считаться при посылке наших сил). Если нападения не могут быть организованы одновременно в разных местах, то должны иметь место, по крайней мере, с небольшими промежутками времени одно после другого,